

Камилло Бойто

ЧУВСТВО

ИЗ ТАЙНОЙ ТЕТРАДИ ГРАФИНИ ЛИВИИ

На следующий день около девяти часов утра я приказала отвезти себя в своей карете в штаб-квартиру крепости. Дорога показалась мне нескончаемой: я то и дело заставляла Джакомо погонять лошадей. Толпа военных всех мастей, раненых, простолюдинов загроздила площадь перед замком. Но мне удалось беспрепятственно добраться до приёмной, где старый инвалид взял мою визитную карточку. Через несколько минут он вернулся со словами, что генерал Гауптман просит меня пройти в его личные покои, и как только будут закончены некоторые очень срочные дела, он придёт засвидетельствовать мне своё почтение.

Меня провели через лоджии, коридоры и террасы в зал с тремя большими окнами, из которых как на ладони был виден весь город. То здесь, то там прерываемая своими мостами, змеилась в виде буквы S река Адидже. Нижняя дуга опоясывала подножие холма, на котором высился замок Святого Петра. В месте верхнего изгиба реки возвышался ещё один замок с коричневыми зубцами. Над домами вздымались ввысь шпили и башни старинных базилик. В широком просвете между строениями виднелся громадный овал древней арены. Утреннее солнце расцветивало своими лучами город и холмы и с одной стороны золотило горы, а с другой заливало безмятежным светом бескрайнюю зелёную равнину, усеянную белыми деревнями, домами, церквями, колокольнями.

В комнату, смеясь, вбежали вприпрыжку две белокурые розовощёкие девочки. Увидев меня, они застыли на месте, но сразу опомнились и, набравшись смелости, подошли поближе. Старшая девочка сказала:

- Прошу вас, синьора, располагайтесь. Желаете, чтобы я позвала маму?
- Нет, дитя моё, я ожидаю твоего отца.
- Папеньку мы с утра ещё не видели. У него много дел.
- Я хочу к моему папочке! - закричала младшая. - Я очень люблю моего папочку!

В этот момент вошёл генерал, и девочки побежали к нему навстречу.

Они обнимали ноги отца, старались забраться к нему на плечи. Мужчина поднимал на руки и целовал то одну, то другую дочку. Маленькие шалуны хохотали. На глаза генерала навернулись слёзы блаженной нежности. Он повернулся ко мне и проговорил:

- Извините меня, графиня. Если у вас есть дети, вы сможете меня понять.

Генерал сел напротив меня и сказал:

- Мне знакомо имя графа, и я буду рад услужить его супруге.

Я сделала знак генералу, чтобы тот удалил из комнаты детей. Голосом, полным ласки, мужчина произнёс:

- Идите, дорогие мои, идите. Мне нужно поговорить с синьорой.

Девочки сделали шаг в моём направлении, будто желая меня поцеловать. Я отвернулась. Немного смущённые, они, наконец, ушли.

- Генерал, - начала я. - Я здесь, чтобы исполнить свой долг верной подданной.
- Госпожа графиня немка?
- Нет, я трентина¹.
- А, хорошо! - воскликнул военный. В его взгляде сквозило некое удивление и нетерпение.
- Прочтите, - я решительно протянула ему письмо Ремиджио, которое хранилось в кармане моего портмоне.

Прочитав письмо, генерал сказал:

- Я не понимаю. Письмо адресовано вам?
- Да, генерал.
- Значит, написавший его человек - ваш любовник?

Я не ответила. Мужчина вынул из кармана сигару, закурил, встал с места и принялся ходить взад и вперёд по комнате. Внезапно он остановился и, глядя мне прямо в глаза, произнёс:

- Извольте поторопиться. Я очень занят.
- Это написал Ремиджио Руз, лейтенант третьего гренадерского полка.
- И что же?
- В письме всё ясно написано. Он сказался больным, заплатив

---

¹ Т.е. жительница города Тренто.

Находящийся на севере Италии город Тренто на протяжении своей истории неоднократно менял государственную принадлежность. В XIX веке он входил в состав Баварии (одной из немецких земель), а затем Австрии. После объединения Италии (в 1861 году) в Тренто, Триесте и других городах Австрийской империи с итальянским населением началось сильное политическое движение с целью воссоединения с Италией. Это послужило причиной в том числе и австро-итальянской войны 1866 года, о которой идёт речь в новелле.

четырёх докторам, - ответила я.

И в порыве ненависти добавила:

- Он дезертир с поля боя.

- Я понял. Лейтенант, ваш любовник, вас бросил. И так вы хотите ему отомстить. Чтобы его расстреляли, а вместе с ним и военных врачей. Я прав?

- До врачей мне нет никакого дела.

Генерал постоял немного, задумавшись и нахмутив брови, потом вернул мне письмо:

- Синьора, одумайтесь! Доносчик покрывает себя бесчестьем. Ваши действия - это убийство.
- Господин генерал! - воскликнула я, гордо выпрямившись и гневно на него взирая, - Исполните свой долг!

Около девяти вечера в гостиницу “Лондонская башня”, где наконец-то мне нашли комнату, солдат принёс записку следующего содержания: “Завтра ровно в четыре тридцать утра во втором дворе замка Святого Петра будут расстреляны лейтенант Ремиджио Руз и врач его полка. Этот документ послужит вам пропуском, чтобы присутствовать на экзекуции. Нижеподписавшийся приносит госпоже графине свои извинения в том, что не может предложить ей зрелища расстрела остальных трёх докторов. По причинам, которые здесь нет смысла перечислять, они были переданы в ведомство другого военного совета.

Генерал Гауптман.”

В полчетвёртого ночи под покровом темноты я вышла из гостиницы в сопровождении Джакомо. У подножия холма, на котором располагался замок Святого Петра, я приказала ему меня оставить и стала взбираться по крутой дороге в одиночестве. Мне было жарко, я задыхалась. Но я не хотела снимать вуаль с лица. Вместо этого я расстегнула верхние пуговицы платья и завернула внутрь края декольте. Воздух освежил мою грудь, и мне сразу стало легче дышать.

Звёзды постепенно бледнели. Вокруг разливался желтоватый свет зари. Я последовала за группой солдат, которые, обогнув замок, вошли во двор, окруженный высокими тёмными стенами. Там уже выстроились и стояли в неподвижности два отряда гренадеров. Никто не обращал на меня внимания в этой мрачной полутьме и в молчаливой суеде военных. Я услышала звон колоколов внизу, в городе. Оттуда доносились тысячи

неясных звуков. Низкая дверь замка скрипнула, и вышли двое мужчин со связанными за спиной руками. Один худой, смуглый, он шёл прямо, уверенно, с высоко поднятой головой. Другой, сопровождаемый двумя солдатами, которые с большим трудом поддерживали его под руки, еле тащился, рыдая.

Я не знаю, что за этим последовало. Читали, мне кажется. Вдруг я услышала ужасающий грохот и увидела, как молодой брюнет упал. В этот момент я заметила, что Ремиджио был обнажён до пояса, и эти руки, эти плечи, шея, всё его тело, которое я так любила, меня ослепили. В своих фантазиях я вновь видела моего любовника таким, каким он предстал передо мной в тот раз в Венеции, в купальне “Сирена”, когда, полный любовного пыла и радости, он в первый раз сжал меня в объятиях своими мускулистыми руками. От повторного грохота я задрожала. На ещё трепещущую, белее мрамора грудь бросилась светловолосая женщина. На неё летели брызги крови.

При виде этой мерзкой особы во мне вновь пробудилось негодование, а с ним чувство собственного достоинства и силы. Сознавая своё право, я направилась к выходу, спокойная и гордая, с ощущением исполненного тягостного долга.

У порога ворот я почувствовала, как кто-то сорвал с моего лица вуаль. Я обернулась и увидела передо мной грязную рожу офицера Боэмо. Он вынул черенок трубки из своего огромного рта и, приблизив усы к моему лицу, плюнул мне в щеку...

Я же говорила, что адвокатишка Джино вернётся! Оказалось достаточно одной строчки: “Приезжайте, помиримся”, чтобы это мгновенно произошло. Он бросил ту куклу - свою невесту - за неделю до свадьбы. И иногда он повторяет, сжимая меня в своих объятиях почти с такой же страстью, как лейтенант Ремиджио: “Ливия, ты ангел!”

Конец.